

Д. С. Гречко

Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII—IV вв. до н. э.

ажную информацию для изучения этнокультурных процессов в Лесостепи в скифское время дает изучение погребальной обрядности племен региона. Стоит отметить, что захоронения кочевников хорошо изучены и их обрядность подробно описана в целом ряде работ, чего нельзя сказать о погребениях земледельцев. В количественном отношении аборигенное население значительно превосходило полукочевую элиту, о чем свидетельствует хорошо развитая поселенческая структура.

При анализе погребальной обрядности земледельческого населения необходимо учитывать его происхождение и уровень социально-экономического развития. Ряд признаков (незначительный уровень материальной культуры и благосостояния, отсутствие монументальных сооружений на поселениях и городищах, отсутствие следов неравенства и следов внутриобщинной эксплуатации) позволил высказать А. П. Медведеву важный вывод о том, «что основная масса оседлого населения фактически продолжала существовать в условиях позднепервобытно-общинного строя практически с еще во многом сохранившейся эгалитарной внутренней структурой» [1, с. 123–124]. Таким образом, не стоит переносить полностью характеристики мировоззрения и культов скифов при рассмотрении религиозной жизни земледельцев. Хотя, скорее всего, скифизация в V—IV вв. до н. э. имела место. С другой стороны, можно предполагать наличие архаических погребальных обрядов, известных из этнографии.

Своим происхождением земледельческое население Лесостепи в основном связано с племенами тшинецкого культурного круга (далее ТКК) позднего бронзового века — предскифского времени Днепровского лесостепного Правобережья [2, с. 8; 3, с. 20–24]. У племен белогрудовской, чернолесской культур и жаботинского периода существовали довольно разнообразные погребальные обряды: подкурганные и грунтовые захоронения, кремация и ингумация, несколько вариантов ориентировки умерших [2, с. 74–87; 4]. При этом стоит учитывать влияние фракийских племен Днестро-Дунайского междуречья [5, с. 168–171]. Целью работы является описание и анализ особых видов захоронения у населения Лесостепи VII—IV вв. до н. э.

* * *

В последнее время увеличился интерес ученых к так называемым «экстраординарным» или «особым» видам погребений, которые отличаются от характерного для каждой конкретной культуры способа погребения¹. К подобным видам захоронений зачастую относят погребения, в которых целостность костяка специально нарушена до его погребения (вторичные, расчлененные и парциальные захоронения). Специфика

¹ Классическим видом захоронения скифского времени Лесостепи юга Восточной Европы является ингумация без дополнительных манипуляций с телом умершего.

археологических источников вызывает проблемы при выявлении таких способов обращения с телами умерших. Методика изучения подобных захоронений разработана О. В. Зайцевой. В рамках предложенного подхода учитывается воздействие природных (предсказуемое смещение костей при разложении, воздействие растений и животных), антропогенных (ограбления или ритуальные проникновения, фиксируемые данными стратиграфии и анализом всего комплекса) факторов [6].

Вначале стоит определиться с терминами. Под вторичным захоронением мы понимаем перезахоронение костей после временного (первичного) захоронения или другого способа разрушения мягких тканей. О. В. Зайцева разделила их на частично и полностью экскарнированные, которые отличаются наличием или отсутствием связей и мягких тканей. Дополнительными индикаторами являются следы зубов хищников, нарушение анатомических пропорций скелета и ошибки при выкладке костей скелета в анатомическом порядке [6].

Под расчлененным погребением (демебрация) мы понимаем захоронение специально расчлененного практически сразу после смерти тела покойного. Для подтверждения данного процесса необходимы данные антропологов, которые бы подтверждали факт наличия посмертных манипуляций с телом и характерных повреждений на костях. Постмортальная утрата зубов может относиться к обоим способам обращения с телом умершего. Из приведенных определений следует то, что вторичные и расчлененные захоронения являются следствием различных процессов и обрядов и должны рассматриваться отдельно, что не всегда возможно. Сложности могут возникнуть в разделении частично экскарнированных и расчлененных захоронений в случае, если на костях не зафиксированы следы посмертных манипуляций.

Обряды вторичного погребения и демебрации в скифское время на юге Восточной Европы не получили широкого распространения (рис. 1). Бесспорные данные нам предоставляют лишь материалы исследования курганных групп у с. Медвин в Поросье, которые являются местом погребения оседлого аборигенного населения [7; 8, с. 37–46;

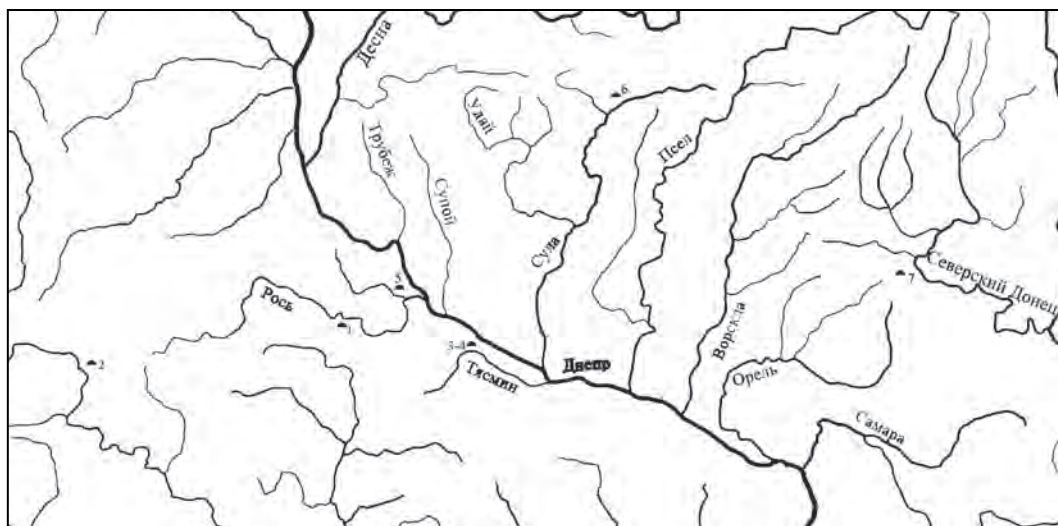

Рис. 1. Могильники позднего бронзового века-скифского времени с особыми видами погребений восточноевропейской Лесостепи:

1 – Медвин; 2 – Тютки; 3–4 – Черкаassy, Вергуны; 5 – Шандры; 6 – Малые Будки; 7 – Гришковка

Fig. 1. Graves of the Late Bronze Age – Scythian period with a specific types of the burials of the Eastern European forest-steppe:

1 – Medwin; 2 – Tyutki; 3–4 – Cherkasy, Verguni; 5 – Shandra; 6 – Malie Budki; 7 – Grishkovka

9; 10]. Г. Т. Ковпаненко нахождение нарушенных костяков в могилах связывала с ограблением [8, с. 37–46]. Первыми на наличие остатков расчлененных захоронений костей в кургане 2 группы III у с. Медвин обратили внимание С. Д. Лысенко [11, с. 55] и Д. П. Куштан [12, с. 155]. Подробнее остановимся на комплексах данного некрополя¹.

Группа 1.

Курган 3/ 1973. Деревянное перекрытие потревожено. Кости мужчины 35–40 лет и женщины 25–30 лет были положены двумя вытянутыми параллельными скоплениями с определенной системой. На костях и вокруг выявлено несколько целых лепных сосудов, лежащих *in situ*. Южная часть скопления нарушена при вторичном проникновении, что фиксировалось затечным грунтом в данной части могилы и не компактным залеганием костей (рис. 2: 1).

Курган 4/1973. Перекрытие сохранилось плохо. Следов вторичного проникновения стратиграфически не прослежено. Кости выложены в псевдоанатомическом порядке. Остатки двух костяков неполные. Два черепа лежат рядом. Бедренная и берцовые кости выложены с разрывом, дистальными концами к черепам. Инвентарь находился *in situ* по трем сторонам от скопления костей (рис. 2: 2).

Курган № 9/1984. В погребении зафиксированы остатки трех костяков. Инвентарь не потревожен. Кости двух индивидов размещены без анатомического порядка. Остатки «западного» скелета уложены с имитацией псевдоанатомического порядка, но без сочленений (рис. 3: 1). Вероятно, восточная часть костницы была потревожена при вторичном проникновении, а останки дополнительно перемещены. Об этом говорит и нарушенность деревянного перекрытия.

Курган 15/1984. В кургане захоронены остатки пяти частично сожженных в могиле скелетов. Кости в центральной части ямы перед сожжением были уложены не в анатомическом порядке, хотя определенная система прослеживается: черепа лежат по краям костницы (рис. 4: 1). Костей в сочленениях не выявлено.

Курган 19/1984. Неполные костяки четырех индивидов без анатомического порядка были уложены в центральную часть могилы. Определенная система прослеживается в положении черепов с северной стороны скопления, а длинных костей — с южной (рис. 4, 2). Кости обожжены вследствие сожжения деревянных конструкций.

Курган 22/1984. От перекрытия остались лишь фрагменты, что говорит о вторичном проникновении в могилу. В центральную часть ямы были уложены останки, судя по количеству черепов, не менее десяти индивидов. Кости девяти скелетов были выложены в определенной системе, а черепа были помещены у северного и южного краев костницы (рис. 3: 2). В псевдоанатомическом порядке были частично выложены крайние в костнице «западный» и «восточный» скелет. Данные вторичные погребения (?) относятся к полностью экскарнированным, поскольку захоронены после полной утраты связок и состоят из отдельных костей. Интерес вызывают остатки расчлененного умершего, которые были захоронены последними. К нему относятся кости руки, голени, поясничный отдел позвоночника и таз, которые находились в сочленениях. Судя по разрушению перекрытия и находке мисок в заполнении над уровнем дна могилы, имело место вторичное проникновение в могилу для создания костницы и дозахоронения расчлененного индивида.

Курган 23/ 1984. Одиночная насыпь не входила в состав групп. Перекрытие могилы, в отличие от других комплексов, над погребенными сохранилось не потревоженным, что говорит об одноактном создании комплекса. Костяки являются расчлененными и были уложены в псевдоанатомическом порядке (рис. 5: 5). В сочленениях, как и в кургане 22, были зафиксированы поясничный отдел позвоночника с тазом, кости голени и стоп.

¹ Описание комплексов будет приводиться на основании данных отчетов Г. Т. Ковпаненко и Б. М. Левченко [7; 9; 10].

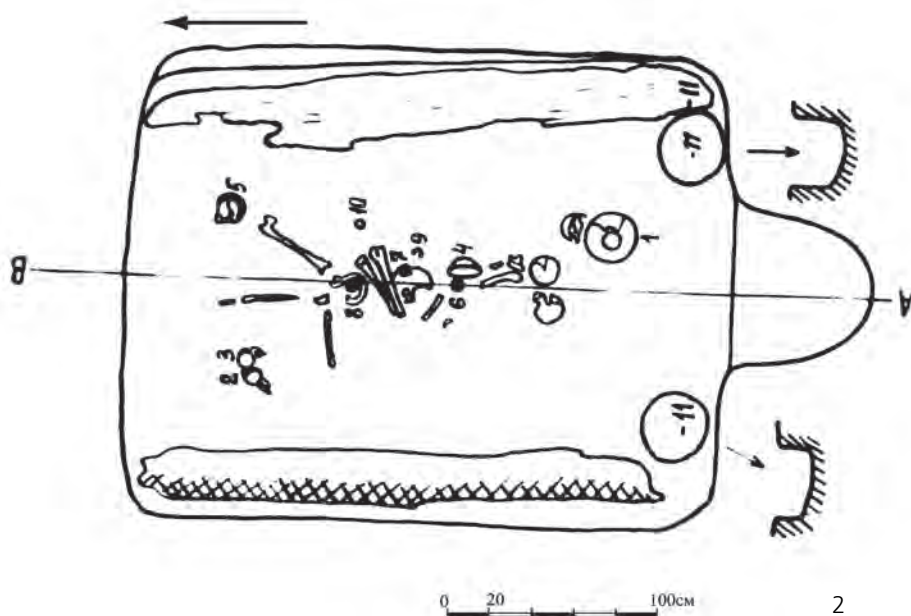
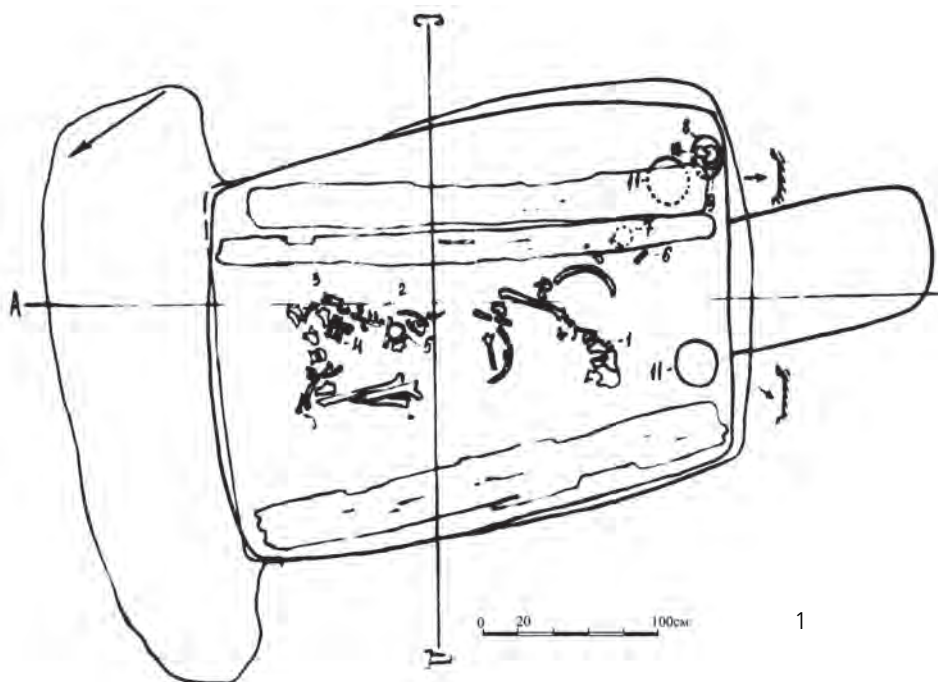

Рис. 2. Планы погребений в кургане 3 (1) и 4 (2) первой группы могильника у с. Медвин [по 7]
 Fig. 2. Plans of the burial mounds 3 (1) and 4 (2) of the first group of the graves near village Medwin [by 7]

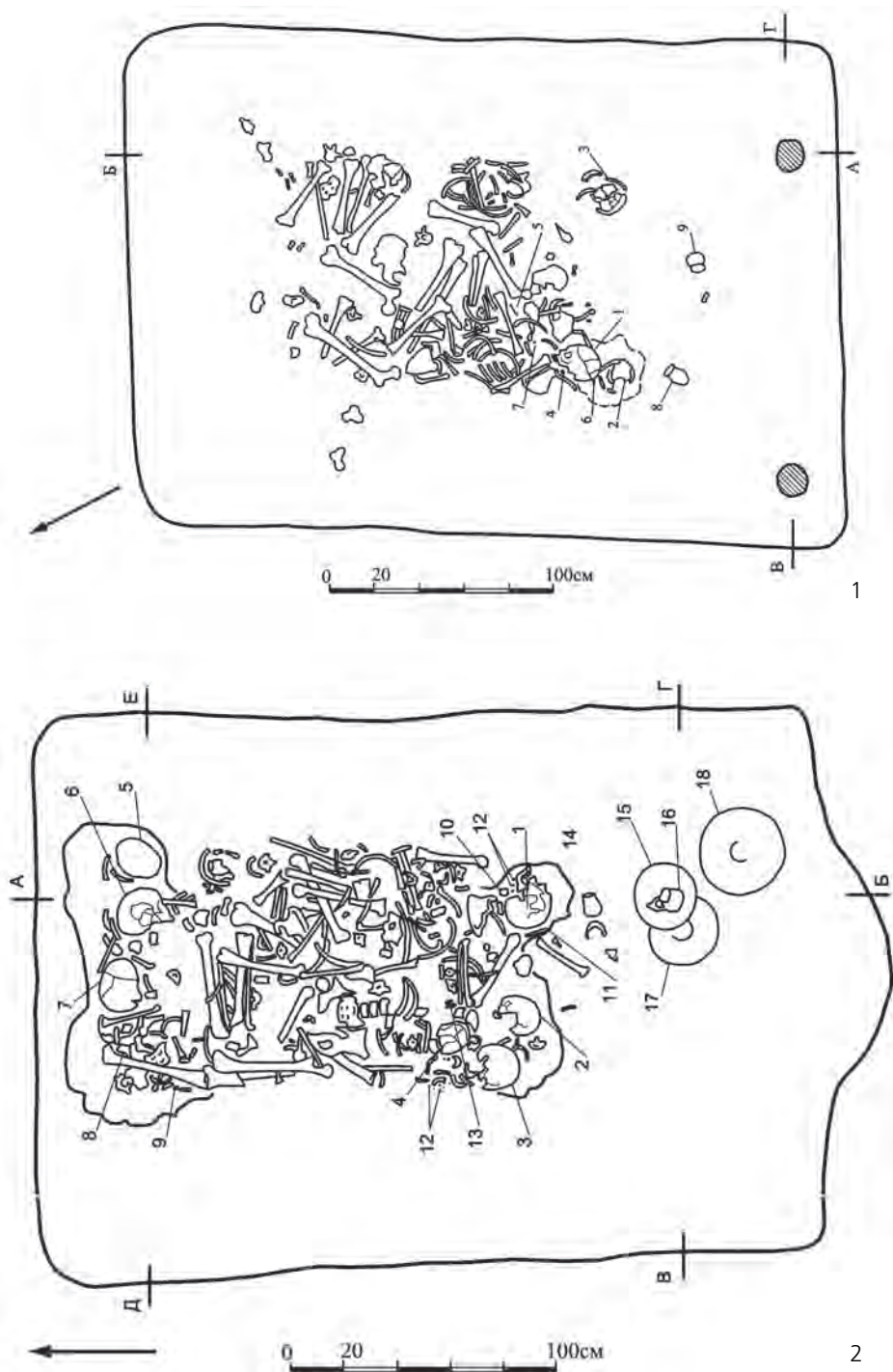

Рис. 3. Планы погребений в кургане 9 (1) и 22 (2) первой группы могильника у с. Медвин [по 9; 10]
 Fig. 3. Plans of the burial mounds 9 (1) and 22 (2) of the first group of the necropolis near village Medwin [by 9; 10]

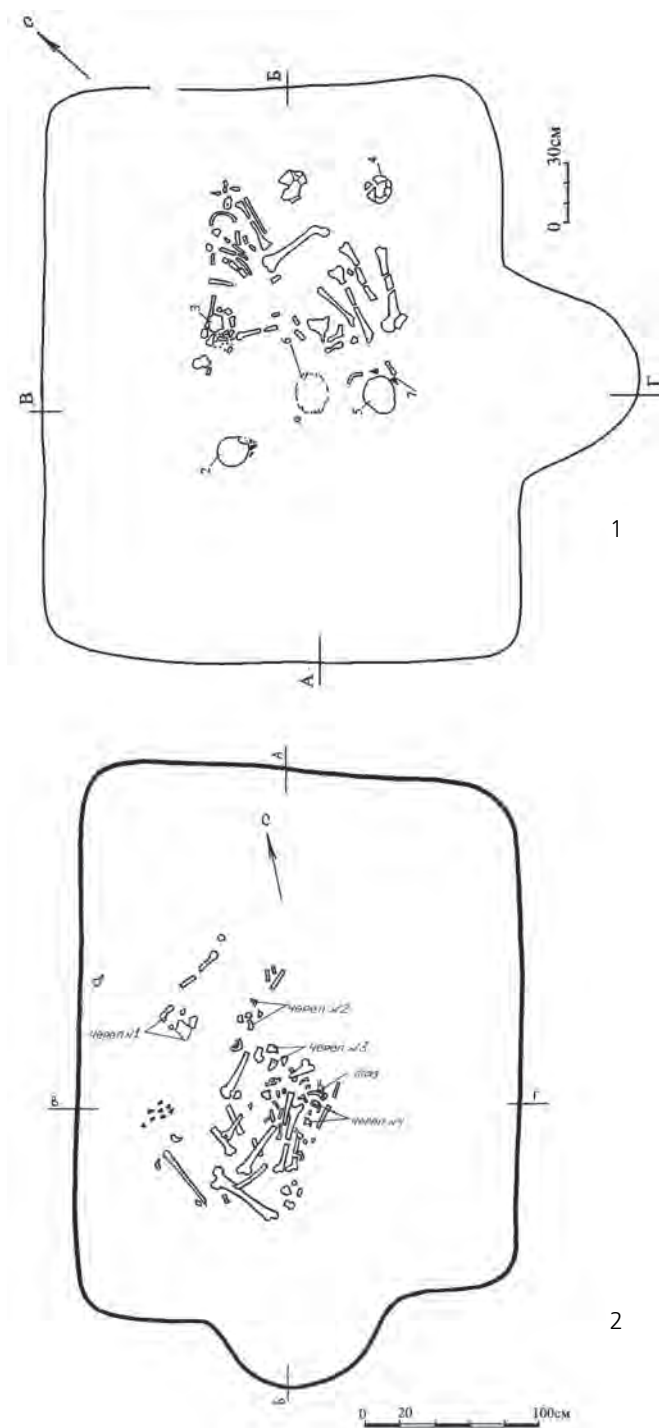

Рис. 4. Планы погребений в кургане 15 (1) и 19 (2) первой группы могильника у с. Медвин [по 9]
 Fig. 4. Plans of the burial mounds 15 (1) and 19 (2) of the first group of the necropolis near village Medwin [by 9]

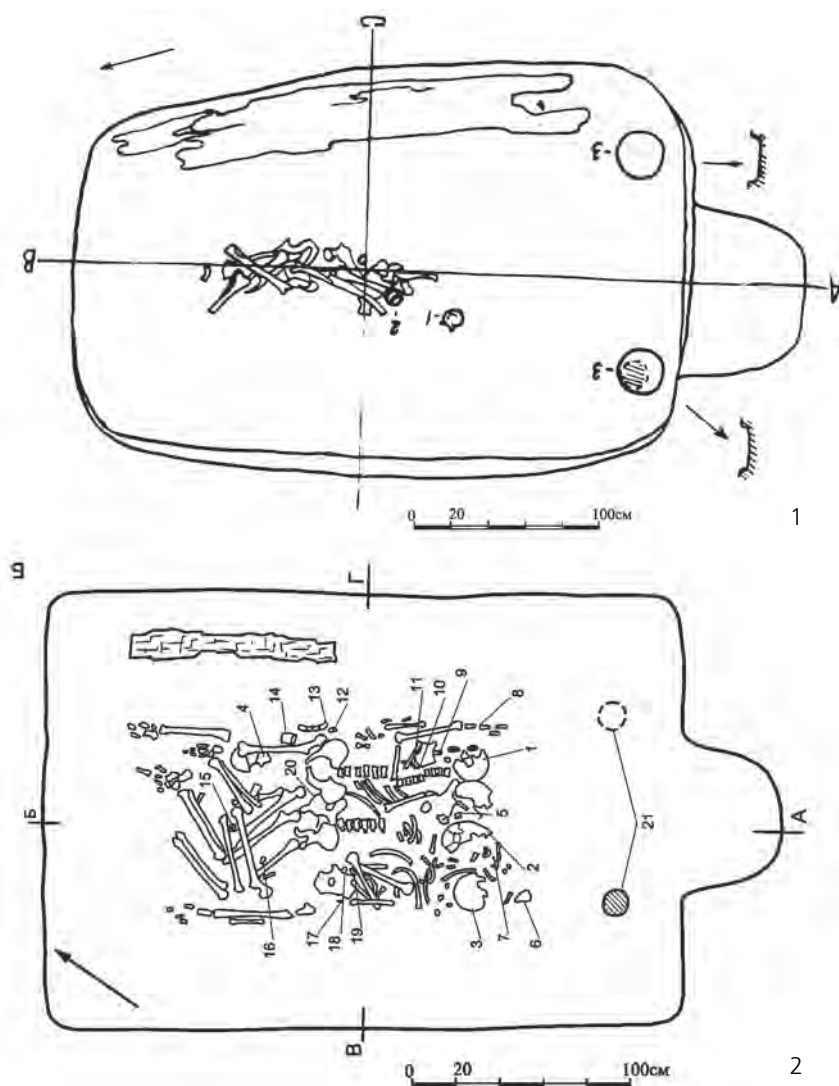

Рис. 5. Планы погребений в кургане 1 второй группы (1) и 23 (2) могильника у с. Медвин [по 7; 10]
 Fig. 5. Plans of the burial mounds 1 (1) and 23 (2) in the second group of the necropolis near village Medwin [by 7; 10]

Нарушение порядка отражено в расположении правой лопатки у «восточного» костяка над ребрами, бедренные кости уложены вертелами наружу, позвоночник размещен тремя фрагментами. «Западный» костяк выложен менее тщательно, но сохранность костей стопы в анатомическом порядке говорит об одинаковом обращении с останками всех трех усопших (расчленение). Под костями были найдены два отдельных черепа.

Группа 2. Раскопки 1973 г.

Курган 1. Перекрытие сохранилось неповрежденным. Компактное скопление костей было уложено в определенном порядке и было вытянуто с севера на юг. Разбитый череп зафиксирован над скоплением длинных костей («пакет»). Целые лепные кубки были найдены in situ поверх и возле останков (рис. 5: 1).

Курган 2. Перекрытие сохранилось на большей площади могилы. Северо-восточный угол могилы был ограблен колодцем в послевоенное время, что фиксировалось разрушением перекрытия. В этой части могилы находок и костей не выявлено. В остальной части ямы кости и инвентарь, перекрытые непосредственно колодами, сохранились *in situ*. Кости уложены «пакетом». Два черепа в южной части могилы лежали вместе, как и в кургане 4 первой группы, с севера располагались кости рук и части позвоночника (рис. 6). Костяки не полные. На одном из черепов есть следы перимортальных механических повреждений.

Курган 3. Перекрытие не сохранилось. Заполнение очень твердое, что говорит о вторичном проникновении. Погребение, вероятно, потревожено с ритуальной целью, поскольку длинные кости хаотично лежат в центральной части могилы, а череп — ближе к южной стенке. Возле черепа, острием на юг лежал железный наконечник копья.

Группа 3. Раскопки 1973 г.

Курган 1. Перекрытие в значительной степени сохранилось. В юго-западной части могилы оно нарушено при вторичном проникновении. Связывать данные действия с ограблением не позволяет наличие целых черпака и перевернутого кубка в данной части могилы. На территории хода останки лежали в беспорядке. Две длинные кости лежали одна на другой «крест на крест» (рис. 7). Вероятно, проникновение было совершено с ритуальной целью родственниками погребенных. В северной части могилы сохранилось компактное скопление дополнительно не потревоженных костей.

Курган 2. Перекрытие отсутствовало. В северо-западной части могилы выявлена костница из длинных костей, возле которых лежало два черепа. Еще один череп лежал южнее, у набора лепной посуды. Нижняя часть «восточного» скелета лежала в анатомическом порядке, но при этом правая бедренная кость находилась под тазом. Вертел левой бедренной кости вывернут в сторону от таза. Скорее всего, в сочленениях были уложены кости таза и обеих голеней. Именно с данным погребением и стоит соотносить создание всей костницы, как и в кургане 22 первой группы (рис. 8). Судя по следам на костях, как минимум, последнее погребение представляет собой демембрацию. Часть костей (вероятно, из «пакета») могла находиться на открытом воздухе (вторичное погребение)¹.

Курган 3. Затечный грунт и отсутствие перекрытия по центру могилы говорит о вторичном проникновении в яму. Кости уложены в псевдоанатомическом порядке (рис. 9: 1). Костей в сочленениях не выявлено. Западная часть скопления потревожена сильнее, кости лежат над уровнем дна, а две из них лежат одна на другой, как и в кургане 3 второй группы.

Попробуем дать обобщающую характеристику погребального обряда населения, оставившего Медвинский некрополь. Погребальные сооружения однообразные и представлены обширными прямоугольными ямами, в южной стенке которых сделаны ступеньки (дромос) для облегчения спуска в могилу при совершении захоронения. Его отсутствие в некоторых комплексах может быть объяснено их плохой фиксацией в однородном черноземе погребенной почвы [7, с. 27]. Перекрытия опирались на края могилы и плахи, уложенные через дромос вдоль длинной оси ямы. В ряде случаев поперечное перекрытие лежало в самой могиле и опиралось на балки, уложенные вдоль длинных стен. В отчетах четко отмечены следы вторичных проникновений: перекрытия нарушены, а ход заполнен плотной затечной землей.

В яме из уложенных вдоль стен колод создавалась камера, в которой по центру вдоль длинной оси ямы размещались кости. Столбы по сторонам от ступеньки-дромоса углублялись всего на 5–18 см и, кроме функций по фиксации длинных колод и поддержания перекрытия, могли выполнять и символическую роль по оформлению «портала между

¹ Предварительный осмотр части костей был произведен П. Е. Викторовой.

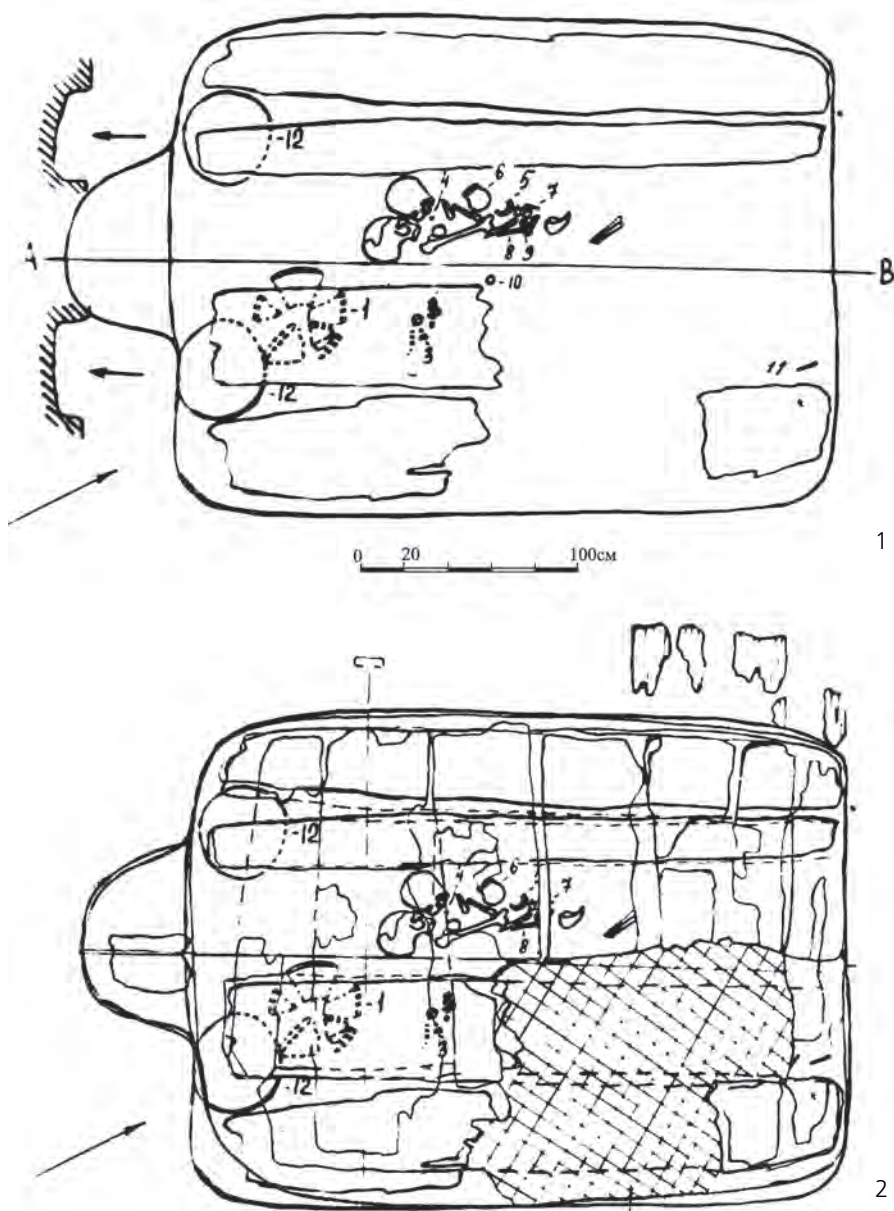

Рис. 6. Планы погребения в кургане 2 второй группы могильника у с. Медвин [по 7]
Fig. 6. Plans of the burial mound 2 in the second group of the necropolis near village Medwin [by 7]

мирами». Перекрытие лежит не на самих костях, а керамика в основном целая, что говорит о том, что камера с костями засыпалась на 0,2–0,5 м землей перед созданием перекрытия.

Проникновения в могилы были совершены с ритуальной целью. В двух случаях остатки вторичных захоронений костей были дополнительно переотложены. В остальных случаях, когда по центру могилы фактически отсутствовало перекрытие (9/1, 22/1, 2/3), были произведены дозахоронения одного расчлененного костяка, что и завершало создание костницы.

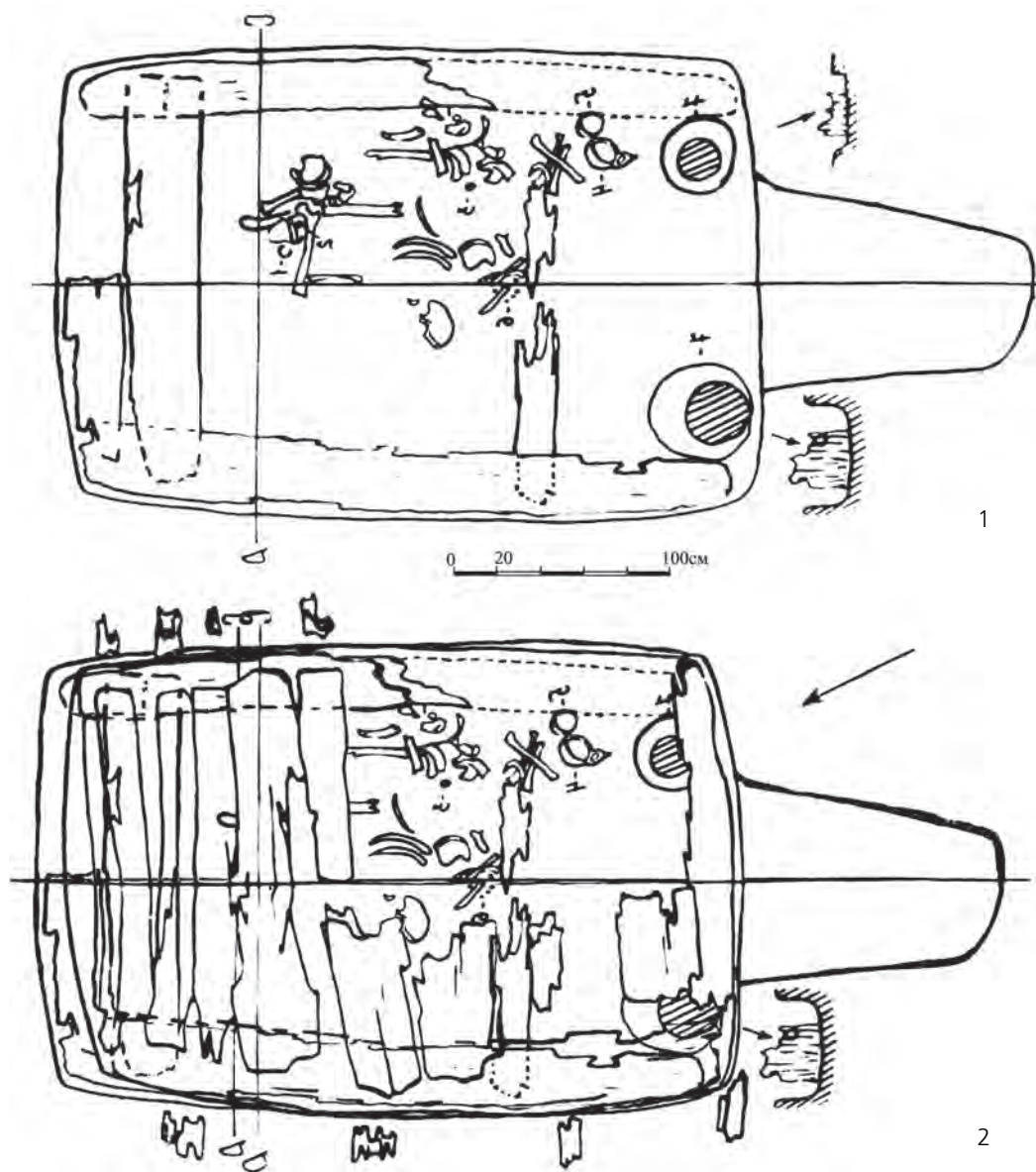
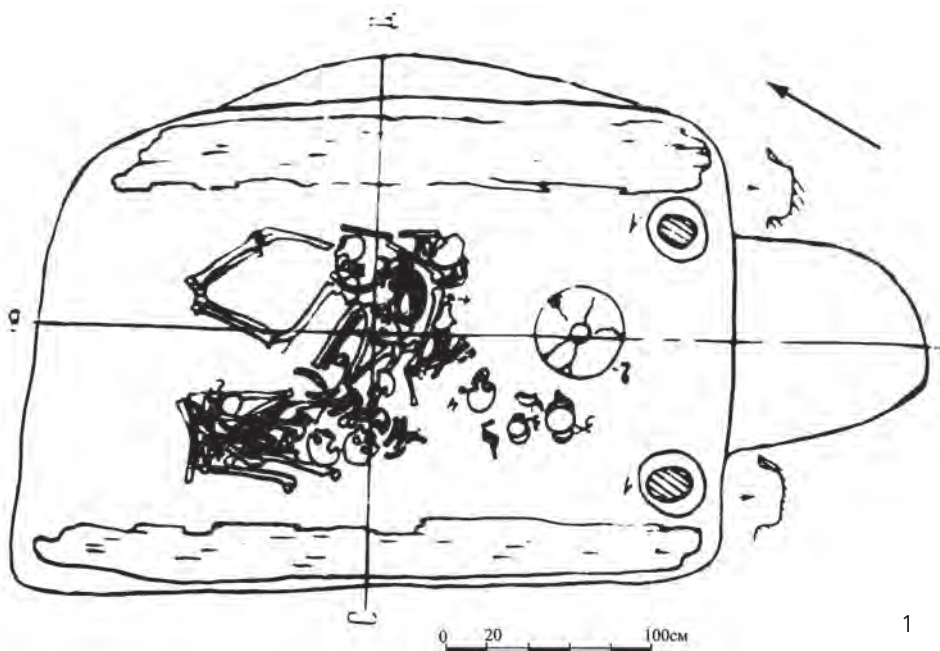

Рис. 7. Планы погребения в кургане 1 третьей группы могильника у с. Медвин [по 7]
 Fig. 7. Plans of the burial mound 1 of the third group of the necropolis near village Medwin [by 7]

По способу обращения с телом все погребения относятся к ингумации. Даже сожженные гробницы содержат обожженные, а не кальцинированные кости. Все костяки были положены в могилы либо после демембрации, либо являлись вторичными захоронениями.

По характеру формирования комплекса погребения можно разделить на следующие типы.

Тип. 1. Одноактные захоронения. Характеризуются непотревоженностью перекрытия и/или отсутствием затека, который четко отмечался Г. Т. Ковпаненко.

1

2

Рис. 8. План и фото погребения в кургане 2 третьей группы могильника у с. Медвин [по 7]
Fig . 8. Plan and photo of the burial mound 2 in the third group of the necropolis near village Medwin [by 7]

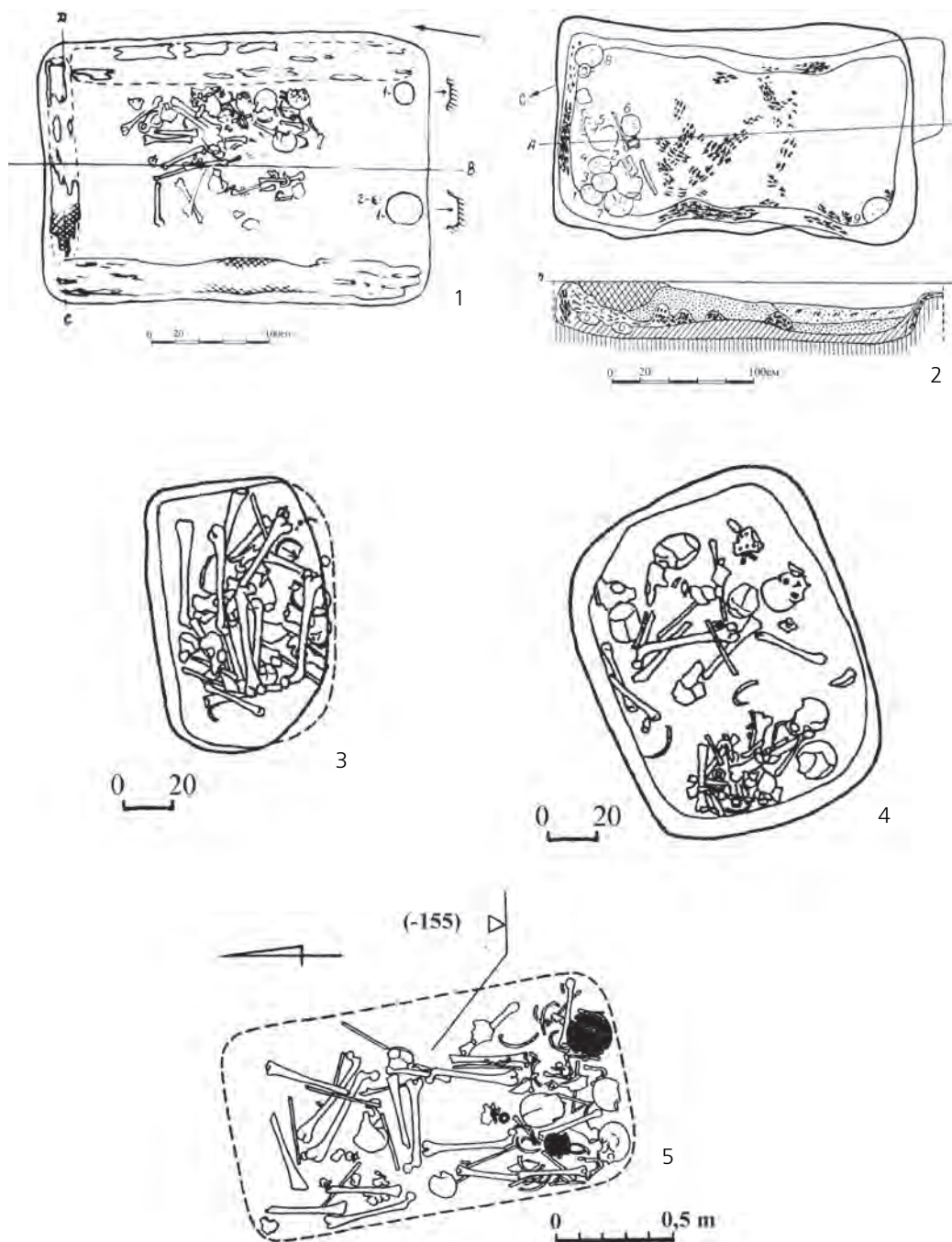

Рис. 9. Планы погребений:

1 – курган 3 третьей группы могильника у с. Медвин; 2 – курган II у с. Малые Будки; 3 – погребение № 5 у с. Вергуны; 4 – погребение № 13 у с. Вергуны; 5 – погребение № 1 могильника Черкасы-Центр 2 (2) [по 7; 12; 15]

Fig. 9. Plans of the burial mounds:

1 – burial mound in the third group of the necropolis near village Medwin; 2 – burial mound II near village Malie Budki; 3 – burial 5 near village Verguni; 4 – burial 13 near village Verguni; 5 – burial 1 of the necropol Cherkasi 2 [by 7; 12; 15]

Вариант А. Представлен курганом 23 (рис. 5: 2). Полностью сохранилось перекрытие. Погребение представлено тремя расчлененными костяками (кости стоп в сочленениях), выложенными в псевдоанатомическом порядке. Кроме того, под костяками найдено 2 отдельных черепа (кефалотафия). Интересно, что перевернутые миски и горшок, в отличие от погребений с вторичным проникновением, были найдены у дромоса в насыпи кургана.

Вариант Б. Вторичное захоронение костей в «пакете». Костяки все неполные. Два погребения выделяются положением с южной стороны от остальных костей двух черепов однополых индивидов (кург. 2/2¹, 4/1) (рис. 5: 1; 6).

Вариант В. Вторичные коллективные захоронения, в которых кости дополнительно сожжены в могилах (кург. 15/1, 19/1) (рис. 4).

Тип. 2. Двухактные захоронения. Проникновение фиксируется локальным нарушением целостности перекрытия и затечным грунтом в пределах хода.

Вариант А. Вторичные захоронения с ритуальным проникновением и перемещением части костяка, без дозахоронения. В двух комплексах была перемешана южная часть, вероятно, «пакета» (кург. 3/2, 3/1.). В первом случае была частично разрушена часть скопления с женскими останками (рис. 7), а во втором это можно предполагать, поскольку часть костей и наконечники стрел сохранились *in situ*, а бусы найдены в потревоженной части могилы (рис. 2: 1).

В двух случаях непотревоженными (?) оставались остатки костяков, которые были выложены в псевдоанатомическом порядке без сочленений, а один костяк («восточный» или «западный») подвергался манипуляциям и размещался несколько в стороне от основного костяка (кург. 9/1, 3/3) (рис. 3: 1; 9: 1). К сожалению, нет данных антропологов о том, чей скелет дополнительно был потревожен.

Вариант Б. Вторичные погребения с дозахоронением (кург. 22/1, 2/3) (рис. 3: 2; 8). Осмотр костей из второго кургана третьей группы П. Е. Викторовой² показал, что часть длинных костей из пакета в северо-западной части могилы могли пребывать на открытом воздухе и под действием солнца побелели. Значительная часть костей из дозахоронения (?) имели следы отделения мягких тканей и сухожилий с помощью режущих орудий. При дозахоронении расчлененного костяка, по всей видимости, вскрывалась вся центральная часть камеры. Кости предков комплектовались в «пакет» или костяк, возле или вместе с ними располагались части расчлененного тела. К сожалению, по фото трудно определить, кого дозахоранивали. Можно предположить, что в кургане 2/3 последним был погребен самый молодой из четырех мужчин, а в кургане 22/1 — женщина. В данных комплексах перевернутые миски располагались у черепов последних погребенных, в южной части ям у дромоса, в отличие от кургана 23.

Таким образом, можно говорить о различном формировании комплексов и поливариантности манипуляций с телом умершего. К сожалению, определения антропологов не были сделаны в поле при разборке костяк и много информации, которая бы пролила свет на закономерности совершения захоронений, потеряно.

* * *

Случаи кефалотафии трижды зафиксированы среди погребений курганного могильника у с. Шандры. В кургане № 12 помимо двух погребенных, на уровне их голов, лежал еще один череп [13, с. 154]. В коллективном погребении (курган № 73), кроме трех анатомически полных скелетов, лежал череп без каких-либо еще частей скелета.

¹ Послевоенное ограбление не повлияло сильно на сохранность костяков. Судя по остальным комплексам, в данной, северо-восточной части могилы могла располагаться лишь часть инвентаря.

² Был произведен осмотр лишь на предмет перимортальных повреждений. Детальный анализ сохранившегося антропологического материала будет произведен Л. В. Литвиновой.

А в кургане № 49 череп ребенка был найден в глиняной чернолощеной миске [14, с. 120, 132].

В кургане II у с. Малые Будки было зафиксировано захоронение в яме, заполненной обожженной глиной, возле северной стенки выявлено восемь черепов и другие кости, уложенные без анатомического порядка, а у противоположной стенки — еще один череп (рис. 9, 2). Следов ограбления в разрезе погребения не отмечено. Кроме того, у скопления черепов найден целый лощеный кувшин с ручкой [15, с. 124–126].

В захоронении № 2 кургана № 36 Гришковского могильника на Харьковщине на дне могилы был зафиксирован череп, который лежал на левом боку. Рядом размещалась нижняя челюсть и бусина. Можно предположить, что мы имеем дело с захоронением отдельного черепа. На это указывает отсутствие в захоронении как остальных частей скелета, так и инвентаря, в сочетании с отсутствием следов ограбления [16, с. 59].

В целом стоит говорить о том, что особые виды погребений у населения Лесостепи скифского времени по праву называются таковыми и не получили сколько-нибудь широкого распространения. Могильник у с. Медвин является исключением.

Об истоках традиции совершения особых погребений скифского времени Лесостепи

Первыми расчленили тела умерших *homo erectus* 500–300 тыс. лет назад [17, с. 227–236]. Демембрация встречается в комплексах ямной КИО [18], катакомбной [19, с. 14–44; 20, с. 92] и белозерской культур бронзового века [21].

Ритуальное расчленение умерших и вторичные погребения известны у племен срубной культуры [см. подробнее 22, с. 197–198]. В жилище 5 поселения Шоссейное в Подонцовье в яме лежали сложенные в кучу длинные кости, поверх которых находился череп женщины средних лет [23, с. 140]. При исследовании поселения позднего бронзового века Глубокое Озеро-2 на Северском Донце в полу жилища 1 был найден расчлененный скелет человека, перекрытый несколькими слоями панцирей черепах [24, с. 95–96].

Традиция демембрации умерших была широко распространена в Киевско-Черкасском регионе среди населения ТКК, начиная с горизонта Малополовецкое-II (1600–1500 cal. BC) [25, с. 15]. Погребения позднего бронзового века Среднего Поднепровья с разными способами демембрации рассмотрел С. Д. Лысенко [11, с. 53–62]. Следы демембрации на костях отмечены на п. 5, 6, 12, 30, 83 и 93 могильника Малополовецкое-3¹. В остальных случаях ее можно предполагать. Исследователь выделяет несколько типов захоронений после демембрации: кости сложены в псевдоанатомическом порядке (тип 1); в определенном, но не анатомическом порядке (тип. 2); без системы (тип 3) и погребение отдельных костей [11, с. 54].

Относительно данной типологии погребения Медвина в основном будут представлять тип 1, поскольку псевдоанатомическая система в расположении костей зачастую прослеживается, и тип 2 (курганы с дополнительным сожжением и вторичным проникновением). Погребения отдельных костей (тип 4) — представлены кефалотажией в кургане 23. Бессистемное расположение костей зафиксировано лишь в пределах ходов вторичных проникновений (3/1 и 3/2).

В Среднем Поднепровье у населения бережновско-маевской срубной культуры обряд демембрации редок (0,1 %). Д. П. Куштан, следом за С. Д. Лысенко, рассматривает данный обряд как тот, который должен был ускорить переход умершего в мир иной, или как обезвреживание покойника. Вторичные захоронения в данном регионе встречаются более часто (0,6 %) и связаны с ритуалом перезахоронения. Нередко

¹ Хочу выразить благодарность С. Д. Лысенко за информацию и консультации при подготовке работы.

проявления подобного обряда прослежены в могильниках белогрудовско-белозерского времени (Вергуны, Крутьки) (рис. 9, 3–4) [26, с. 89].

Среди погребений культуры Сахарна в Среднеднестровском регионе 29 % составляют захоронения со смещением (демембрация или дозахоронение) [27]. На поселении Долиняны в хозяйственных ямах найдены погребение расчлененного скелета мужчины и женщины с тремя детьми [28, с. 44–46].

Обряду погребения, описанному в Медвинском некрополе, имеются прямые аналогии в могильнике раннежаботинского времени у с. Тютьки в бассейне Южного Буга (рис. 10) [29; 30, с. 256–260]. Стоит отметить, что на фото погребений в курганах № 2–3 в отчете четко видно, что костница расположена в центральной части более обширной ямы, подобно медвинским комплексам, что не нашло своего отражения на рисунках (рис. 10: 2, 5) [29, табл. 114–15]. Захоронения аналогичны варианту Б типа 2 медвинских комплексов (например, курган 22/1).

Интерес представляет погребение № 1 раннежаботинского времени могильника Черкассы-Центр 2 (рис. 9, 5). В грунтовой яме без следов ограбления были найдены неполные костяки пяти человек, которые были уложены в нее после разложения мягких тканей [12, с. 154–156]. Д. П. Куштан считает, что это явилось следствием вторичного погребения останков после первичного воздушного погребения, или в результате повторного захоронения выкопанных костей. Безусловно, данный обряд связан с культом предков, который представлен ритуалами, в основе которых лежит подсознательный инстинкт отождествления умершего родственника с его останками. Интересным является предположение Д. П. Куштана, что кости наиболее почитаемых предков могли эксгумироваться при переселении общины и заново перезахоранивались в общей могиле на новом некрополе [12, с. 155–156].

В данной традиции населения эпохи поздней бронзы Среднего Поднепровья, по всей видимости, и следует искать истоки аналогичных обрядов земледельческого населения восточноевропейской Лесостепи скифского времени.

* * *

Появление вторичных захоронений могло быть связано с первичным воздушным погребением [31, с. 29–30] или с переносом костей предков при переселении. Д. П. Куштан справедливо соотносит обряды перезахоронения, демембрации с культом предков и обрядом некромантии, когда кости предков использовались при общении живых с мертвыми родственниками [26, с. 89].

Коллективные погребения ананьинской культуры А. Х. Халиков связывает с проведением общих похорон раз в год, когда хоронили всех умерших за зимний период жителей поселка. Среди захоронений данной культуры повсеместно встречены вторичные, которые совершались после выставления тела умершего. Исследователь приводит широкие аналогии данному обряду среди финно-угорских народов [32, с. 99].

Вторичные погребения пазырыкской культуры Алтая исследователи связывают с хранением останков умерших при перекочевках до захоронения на родовых кладбищах в определенное время года (ранней весной или осенью) [33, с. 64–67].

В целом вторичные погребения могут быть результатами как ритуальных, так и иных действий. О. В. Зайцева выделяет два варианта вторичного погребального обряда. Первый связан с сезонностью совершения захоронений, при котором отмечается, что за зимний период успевали бы разложиться лишь самые неустойчивые соединения. Данный вариант представлен плохо. Второй вариант предполагал более длительный отрезок времени до захоронения костей, который длился около трех лет, до полного скелетирования трупа. Исследовательница не указывает на то, кому могли принадлежать данные погребения. Подобный обряд является ярким примером представлений о фазах смерти, характерных традиционному сознанию. Кости собранные после освобождения от плоти, захораниваются и служат залогом поддержания жизненного круговорота. В данных действиях прослеживается семантический комплекс

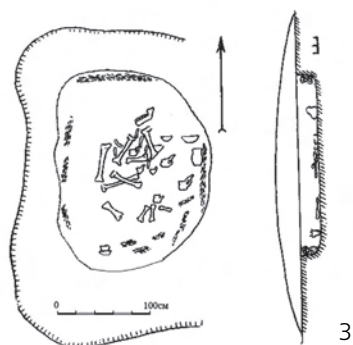
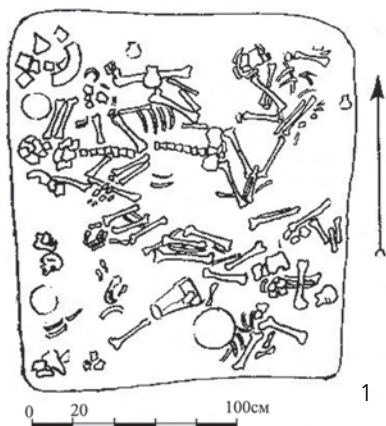

Рис. 10. План и фото погребений могильника у с. Тютки:
1–2 – курган № 1; 3 – курган № 2 [по: 29]

Fig. 10. Plan and photo burial mounds near village Tyutki:
1–2 – burial mound 1; 3 – burial mound 2 [by: 29]

«предки — кости — возможность новой жизни». По материалам Западной Сибири О. В. Зайцева отмечает, что наибольший процент погребений с нарушенной анатомической целостностью (вторичные, парционные, расчлененные) приходится на неолит-ранний бронзовый век, а позднее идет значительное сокращение, с некоторым ростом в позднюю бронзу. Затем идет угасание данных традиций. При этом отмечается, что севернее манипуляции с останками продолжались вплоть до средневековья. О. В. Зайцева указывает на то, что обряд вторичного погребения может возникнуть в любом традиционном обществе вне зависимости от стадийной и культурной принадлежности или хозяйственного типа [6; подробнее см: 34; 35, с. 13]. Причины данного явления не поддаются объяснению.

Одной из причин появления специфического погребального обряда Медвинского могильника можно предположить считать, вслед за Д. П. Куштаном, перенос части костей предков при переселении рода или племени на север. Данное предположение подтверждается датировкой материалов из данного некрополя (раннежаботинская писксида из кургана 4\1 и др.), которые являются древнейшими комплексами массива древнего населения чернолесского происхождения в данной местности¹.

* * *

Попытки выделения захоронений аборигенного населения Лесостепи делались неоднократно. С. А. Скорый разделил могилы автохтонов на три основные группы: бескурганые грунтовые могильники (наибольшая), подкурганые захоронения полностью сожженных на стороне покойников² и подкурганые погребения без выраженных кочевнических признаков³ [36, с. 62–65].

К характерным признакам погребального обряда земледельцев стоит добавить традицию вторичного погребения и демембрации. Данные действия отличаются от сдвигания костей к стенке могилы при дозахоронении в скифских могильниках Степи [37, с. 108, 110].

* * *

В целом можно говорить о генетической связи особых видов захоронений у населения Лесостепи пред- и скифского времени с традициями племен ТКК позднего бронзового века Среднего Поднепровья. Стоит предполагать и влияние племен белозерской культуры Степи и населения Днестро-Дунайского междуречья предскифского времени. Особые виды захоронений не получили распространения у населения Лесостепи в скифское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. — М., 1999.
2. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975.
3. *Лысенко С. Д.* Погребения скифского времени Малополовецкого могильника // Археологічні пам'ятки Фастівщини. Матеріали до археологічної карти Київської області. Прес-музей. — Фастів, 2004. — № 20–21.

¹ Анализ датировки медвинских комплексов является темой отдельного исследования.

² Атрибуция части погребений, которые содержали прах умершего, помещенный в сосуд-урну, как могил земледельческого населения не бесспорна. Скорее всего, с пришлым населением следует соотносить захоронения между Петраковкой и Ромейково, Опишлянку, курганы 1 и 4 у с. Яблоновка. На синкретический характер данных захоронений указывал С. А. Скорый [36, с. 65].

³ Подобные захоронения исследователь соотносит с автохтонным населением с определенной условностью [36, с. 65].

4. Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. — К., 1961.
5. Бессонова С. С. К вопросу об этнокультурной специфике кургана Перепахтиха // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. — Тирасполь, 1994.
6. Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Новосибирск, 2005.
7. Ковпаненко Г. Т. Отчет о раскопках курганов у с. Медвин Богуславского р-на Киевской обл. в 1973 г. // НА ИА НАНУ. — 1973/23.
8. Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. — К., 1981.
9. Левченко Б. М. Отчет о работе археологической экспедиции Музея истории Богуславщины за 1984 г. // Научный архив ИА НАНУ. — 1984/168.
10. Левченко Б. М., Левченко Н. Б. Отчет о работе археологической экспедиции Музея истории Богуславщины за 1985 г. // НА ИА НАНУ. — 1985/143.
11. Лысенко С. Д. Поховання за обрядом демембрації доби пізньої бронзи у Середньому Подніпров'ї // Наукові записки з української історії. — Переяслав-Хмельницький, 2003. — № 14.
12. Куштан Д. П. Погребение предскифского времени Черкаassy-Центр 2. Городцовские чтения // Материалы II научной конференции, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Труды ГИМ. — М., 2005. — № 145.
13. Бобринской А. А. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. — СПб., 1894. — Т. II.
14. Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. — СПб., 1901. — Т. III.
15. Махно Є. В. Кургани скіфського часу біля с. Малі Будки // Археологія. — 1953. — Т. 8.
16. Гречко Д. С., Шелехань А. В. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. — К., 2012.
17. Ullrich H. Manipulations on human corpses, mortuary practice and burial rites in Paleolithic times // Anthropos. — Brno, 1986. — № 23.
18. Агульников С. М., Попович С. С. Обряд демембрации в ямной культуре Пруто-Днестровского междуречья // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. — Луганск, 2011.
19. Мельник В. И. Особые виды погребений катакомбной общности. — М, 1991.
20. Пустовалов С. Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного. Причорномор'я. — К., 2005.
21. Агульников С. М. Некоторые особенности погребального обряда Белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья // Индоевропейская история в свете новых исследований. — М., 2010.
22. Усачук А. Н., Подобед В. А., Полидович Ю. Б., Цимидапов В. В. Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка // Донецкий археологический сборник 2009–2010. — 2010. — № 13–14.
23. Смирнов А. С., Сорокин А. Н. Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца // СА. — 1984. — № 4.
24. Гершкович Я. П., Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю., Панковский В. Б., Усачук А. Н., Шевченко Д. А. Комплексные исследования поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Северского Донца // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. — К.; Запоріжжя, 2005.
25. Лысенко С. Д. Новые памятники милоградской культуры на Киевщине // Археологічні пам'ятки Фастівщини: Матеріали та дослідження. Прес-музей. — К.; Фастів, 2010. — № 26–27.

26. Куштан Д. П. Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи // Археологічний альманах. — Донецьк, 2013. — № 29.
27. Kaşuba M. Despre depunerile de oseminte umane on așezările hallstattiene timpurii (sec. X—IX a. Chr.) cultura Saharna on regiunea Nistrului de Mijloc (spațiul nord-vest pontic) // Omagiu lui Gavrilă Simion la a 80-a aniversare. — Tulcea, 2008.
28. Смирнова Г. И. Новые данные о поселении у с. Долиняни (по материалам раскопок 1977–1978 гг.// АСГЭ. — 1981. — № 22.
29. Заец И. И. Отчет о раскопках трипольского поселения Клищев-Тивровского р-на Винницкой обл; курганного могильника у с. Мизяков, Калиновского р-на V—IV вв. до н. э. и курганного могильника у с. Тюльки Винницкого р-на // НА ИА НАНУ. — 1974/87.
30. Заец И. И. Курганный комплекс раннескифского времени у с. Тюльки Винницкой области // СА. — 1979. — № 1.
31. Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур (от Волги до Тихого океана). — М., 1954.
32. Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). — М., 1977.
33. Дашковский П. К., Тишкин А. А. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная Сибирь в древности. — Барнаул, 2005.
34. Schroeder S. Secondary disposal of the dead: cross-cultural codeю// World culture. — 2001. — 12 (1).
35. Смирнов Ю. А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. — М., 1997.
36. Скорый С. А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003.
37. Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии. — К., 1985.

Резюме

Гречко Д. С. Про особливі види поховань у населення східноєвропейського Лісостепу VII—IV ст. до н. е.

У статті аналізуються особливі види поховань населення Лісостепу передскіфського і ранньоскіфського часу. Розглядаються поховання Медвинського некрополя у Пороссі, які представлені вторинними і розчленованими похованнями. Можна говорити про генетичний зв'язок традиції здійснення особливих видів поховання у населення Лісостепу скіфського часу з традиціями племен тцінецького культурного кола Лісостепу. Варто припускати вплив племен Дністро-Дунайського межиріччя передскіфського часу і білозерської культури Степу. Особливі види поховань не набули поширення у населення Лісостепу в скіфський час.

Ключові слова: східноєвропейський Лісостеп, скіфський час, поховальний обряд, вторинне поховання, демембрація.

Резюме

Гречко Д. С. Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII—IV вв. до н. э.

В статье анализируются особые виды захоронений населения Лесостепи предскифского и раннескифского времени. Рассматриваются захоронения Медвинского

некрополя в Поросье, которые представляют собой вторичные и расчлененные погребения. Можно говорить о генетической связи традиции совершения особых видов захоронений у населения Лесостепи скифского времени с традициями племен тшинецкого культурного круга Лесостепи. Стоит предполагать влияние племен Днестро-Дунайского междуречья предскифского времени и белозерской культуры Степи. Особые виды погребений не получили распространения у населения Лесостепи в скифское время.

Ключевые слова: восточноевропейская Лесостепь, скифское время, погребальный обряд, вторичное погребение, демембрация.

Summary

D. Grechko. *Concerning Some Special Types of Burials of the Population of East European Forest-Steppe Region of the VII—IV cent. B. C.*

In this article there are some special types of burials of the population of Forest-Steppe region of pre-Scythian and Scythian time are under analysis. There are some funerals of Medvin necropolis of Poros'e region included. They are secondary and dismembered. We can talk about the genetic connection of the tradition of special type funeral ceremonies of the population of Forest-Steppe region of Scythian period with the traditions of tribes of Tshinetskoe cultural circle of Forest-Steppe region. We can suppose the influence of tribes of Dniestr-Danube area of pre-Scythian time and Belozerskaja culture of the Steppe area. Special types of burials were not spread among the population of Forest-Steppe in Scythian time.

Key words: East European Forest-Steppe, Scythian time, funeral ceremony, secondary funeral, demembration.

